

Сохранение и укрепление ценностно-мировоззренческих основ современной российской юридической науки

Сергей Владимирович Кабышев

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина,
Москва, Россия

Ценностное и прогнозно-стратегическое значение научной юриспруденции становится тем более важным в современных реалиях, когда нам необходимо с учетом состоявшейся в 2020 г. конституционной трансформации и коренного изменения геополитического и социально-исторического контекста глубоко переосмыслить свою государственно-политическую и правовую систему с позиции российской цивилизационной идентичности на основе безусловного приоритета национальных интересов. Именно юридическая наука призвана играть ключевую роль в формировании профессионального и общественного правосознания, вносить решающий вклад в укрепление ценностей законности и легитимности действующего правопорядка с учетом существующих моральных, религиозных и культурно-исторических факторов, способствовать адаптации законодательства к меняющимся социальным условиям. Важно помнить, что Конституция России проявляет свое регулятивное воздействие в определенной системе законодательного регулирования и динамическом общественном контексте. Поэтому ее эффективность, реальное верховенство и прямое действие в немалой степени зависят от качества правового прогнозирования и способности юридической науки предлагать основанные на базовых ценностях правовой культуры опережающие решения, которые будут восприняты обществом и поспособствуют его развитию.

Обозначу ряд основных ценностно-мировоззренческих проблем нашей научной юриспруденции, которые требуют, на мой взгляд, особенно пристального внимания и обсуждения.

1. Прежде всего нуждается в объективном осмыслении сохраняющий значительную инерцию подход, предполагающий *жесткое разделение, противопоставление политики и идеологии с одной стороны и юриспруденции — с другой*. Обоснованием здесь служит во многом спекулятивный тезис о том, что идеологизация и политизация права являются

прямой дорогой к оправданию властного произвола и подавлению человека, обесценивают академические свободы и критический потенциал науки. Не отрицая того вполне очевидного факта, что любые крайности рискованны и вредны, отмечу, что, как известно, «свято место пусто не бывает», и, как бы мы ни пытались уверить себя в обратном, не бывает и не может быть внеидеологической и надполитической юриспруденции, как и в целом обществоведческих наук. Право как социальный регулятор неразрывно связано с ценностно-мировоззренческими установками общества, которые конкретизируются в общеобязательных государственных велениях, выражающих всеобщую политическую волю, а потому научная юриспруденция, имеющая своим обобщенным предметом вопросы всеобщего социального должного, не может быть отделена от политико-идеологической стороны социальной регуляции.

Активно декларировавшееся в 1990-е гг. стремление к деидеологизации и деполитизации юриспруденции привело отнюдь не к созданию «чистой юридической науки», а к отчуждению отечественной юриспруденции от морально-политических установок и социально-мировоззренческих идеалов российского народа, к господству в ней западоцентризма.

Мы слишком увлеклись безотчетной верой в превосходство западной правовой традиции, превратив ее в некий фетиш, в не только рациональный, но и даже моральный эталон социального развития. Теперь маски сброшены, и уже невозможно не видеть, как за пропагандируемыми правовыми идеалами Запада проступают императивы реальной политики: верховенство права сильного, равенство своих против чужих, гуманизация безнравственности и насильственная толерантность, обязывающая пренебрегать собственной моральной позицией ради потакания чуждым представлениям о вседозволенности.

Нам нужно преодолеть порочную интеллектуальную инерцию этой зависимости, опираясь на собственные национальные традиции, ценности, накопленный уникальный исторический опыт. Необходима широкая научная дискуссия, касающаяся политико-идеологической стороны нашей юриспруденции, которая должна служить суверенным интересам нашего народа, выражать его идеалы и устремления, а не морально-политические приоритеты других стран.

Упущения в этой сфере создают риск подрыва конституционной легитимности. Не секрет, что сама Конституция порой воспринимается как формализованный итог поражения в «холодной войне», как ценностно чуждый и даже враждебный акт. И к этой позиции невозможно относиться безразлично, необходимо правильно и последовательно раскрывать национальный дух и смысл Конституции. Например, ее статью 13, которая в действительности никоим образом не отделяет государство от идеологической функции, но обязывает его выражать исторически сложившуюся идеологию многонационального народа в целом, а не какой-либо его части.

2. В непосредственной связи с уже обозначенной проблемой находится вопрос *произвольных иностранных заимствований* в российской научной юриспруденции, которые касаются не только категориального аппарата и отдельных институтов, но и, более того, правовых принципов, критериев законности, даже методологических приемов юридического познания. Заимствованными могут быть и идеологические смысловые трактовки терминов, иначе понимаемых в нашей правовой среде.

Взять, например, категорию прав человека, которая, имея рациональное зерно, вместе с тем привносится в нашу юриспруденцию некритически, с опорой на чуждые, инородные интерпретации.

В западной правовой традиции идея прав человека отражает онтологический конфликт человека и государства, который разрешается как будто в пользу человека, через формальное признание его безусловного приоритета во всем. Но это провоцирует тотальный насаждаемый культ индивидуальности, которая рассматривается уже не в смысле естественной человечности, а в значении обязательного постоянного выбора себя, своего тела, образа, ориентации. Личность в ее социально-психологическом плане становится чем-то неустойчивым, эфемерным, приобретает неопределенно-переменное значение и распадается.

Российская правовая традиция не несет в себе отрицания прав человека. Но они никогда ранее не рассматривались у нас как абсолютная самодовлеющая величина. Для российской цивилизации отнюдь не характерно сущностное противопоставление и противостояние человека и государства, поскольку само государство выступает как государственно организованное общество, как жизненно необходимая политико-правовая форма совместного существования людей. Иначе и быть не могло в условиях суровой природы, сложной организации хозяйства, обширной территории с высокой степенью этнического разнообразия. Тем более при агрессивном геополитическом окружении, вынуждающем к принятию централизованных мер по защите общенационального периметра.

Соответственно, правовое понимание человека в нашей системе ценностных координат определяется не его разделением, а связью с государством, т. е. статусом гражданина, в котором заключено единство взаимных прав и обязанностей человека со своим Отечеством. Поэтому, кстати, вполне оправданно то, что права человека названы в известном президентском указе в числе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Здесь нет парадокса. Но нужно четко понимать, что качество прав человека как традиционной ценности определяется не импортированным содержанием, а аутентичной российской политико-правовой трактовкой и нуждается в раскрытии именно с этих социокультурных позиций. Смысл прав человека в нашей правовой культуре неразрывно сопряжен с идеей социального служения и пользы, с раскрытием своего интеллектуального, духовного, творческого потенциала для умножения общего блага.

То же касается и целого спектра идей, относящихся к организации публичной власти. Достаточно сказать о том, что сами по себе понятия «разделение властей», «федерализм» не имеют прямого закрепления в Конституции, которая говорит об осуществлении государственной власти «на основе разделения» на законодательную, исполнительную и судебную, а также оперирует терминами «федерация», «федеративное государство», «федеративное устройство» и некоторыми производными от них понятиями. Обращение же к категориям разделения властей и федерализма связано с включением в их содержание вполне определенного ценностно-идеологического измерения, которое сформировано не в нашей правовой среде.

Соответственно, при анализе нашей системы публичной власти сквозь призму «разделения властей», «федерализма» господствуют в основном догматические подходы западной правовой традиции, зачастую игнорируется собственный опыт государственного строительства, вытекающий из суверенного права народа на политическое самоопределение.

Так, представления об исчерпывающем перечне состава ветвей власти, которые непременно должны находить в «системе сдержек и противовесов», о полицентрической сущности федерализма, служащего выражением регионального самоуправления, о лежащей в основе местного самоуправления идее муниципальной автономии должны быть подвергнуты критическому анализу на основе понимания исторически сложившихся подходов к «симфонии» российской публичной власти, пространственной организации ее принципиального единства, вхождения общины в систему российской государственности.

Говоря о произвольных иностранных заимствованиях в нашей юриспруденции, нельзя не сказать хотя бы в нескольких словах о такой порочной тенденции, как *распространение методологии правовой глобализации*, настаивающей, среди прочего, на стирании границ между романо-германской и англосаксонской системами права и ведущей в целом к размыванию, умалению национальной идентичности российской правовой системы. В русле идеологии правового глобализма находятся, например, попытки внедрения в России судебного прецедента как источника права, что создает напряжение в реализации принципа законности, попытки навязывания экономического анализа права, ставящего утилитаризм, экономическую целесообразность выше нравственных требований и справедливости.

3. Еще одной серьезной проблемой нашей научной юриспруденции является не просто ее *отставание от потребностей практики* и комментаторское реагирование на уже состоявшиеся нормативные решения, но и, более того, *доминирующий шаблонно-схематический подход в понимании и объяснении принятых решений, которые пытаются свести к известным внешне похожим явлениям*, опять же с ориентацией на зарубежные образцы, и в ущерб раскрытию их оригинальной, самобытной правовой природы.

Весьма примечателен в этом плане складывающийся опыт научного осмысления такой новой конституционно-правовой категории, как федеральная территория.

Надо сказать, что не наука, а именно законодательная практика сформировала данный институт, тогда как научная юриспруденция, пренебрегая целостным, системным видением его сути в общей логике конституционных поправок, то вообще отрицает ценностное значение данного института в системе территориальной организации публичной власти, то настаивает на его несоответствии (а, значит, и якобы дефектности) существующим в мировой практике моделям, то обозначает его в качестве эклектического формирования, лишённого внутреннего единства и цельности, то, напротив, пытается в борьбе за формальную чистоту предельно жестко разграничить отдельные составляющие данного института по принадлежности к разным уровням и системам публичной власти. Существуют и весьма экстравагантные примеры увязывания федеральной территории с формами естественной территориальной самоорганизации населения, как если бы речь шла в данном случае о механизме территориального самоуправления. Возникает идейно-смысловой «винегрет», который не способен удовлетворить насущные потребности развития.

Не углубляясь в обсуждение этого вполне самостоятельного вопроса, отмечу лишь, что институт федеральной территории характеризует особый правовой режим публичной власти, не предполагающий обязательного организационного обособления органов, обеспечивающих решение вопросов местного значения, а основанный на организационном единстве публичной власти, что обусловлено безусловным приоритетом общефедеральных интересов в реализации возложенных на федеральную территорию задач.

4. В завершение хотел бы отметить, что одной из существенных предпосылок для этих и других ценностно-мировоззренческих проблем современной российской научной юриспруденции является характерный для нашей юридической среды *дефицит фундаментальных конституционно-правовых знаний* при доминировании отраслевой методологии, в том числе с претензией на собственный конституционный уровень. В этом плане являются весьма характерными суждения о том, что сама Конституция выступает не чем иным, как сводом общих принципов, сложившихся в разных отраслях права, или о том, что подлинными ценностями жизни общества определяются не конституционным, а гражданским правом, поскольку якобы именно оно непосредственно определяет основы материального существования человека, а следовательно, — как предполагает логика этого подхода — и все производные аспекты социального бытия.

Само же *национальное конституционное право страдает отсутствием понимания собственной идентичности*, прежде всего цивилизационно-культурной, изобилует представлениями об истоках конституционализма, целиком принадлежащих Западу, к которым Россия лишь некоторым образом припала, но в образовании которых не участвовала.

К сожалению, распространению таких представлений в известной степени способствует организация программ по юридическому образованию, в которых в большинстве случаев конституционное право как обязательный компонент присутствует именно в таком государственно-анонимном виде, а зарубежное (или сравнительное) конституционное право не выделяется отдельно. Между тем именно российское конституционное право служит основой национальной правовой идентичности, а его изучение в составе особенной части общего курса конституционного права дезориентирует в отношении идейных и ценностных истоков нашей государственно-правовой жизни, создает предпосылки к тому, чтобы считать эталонными западные конституционные идеи. Невнимание к курсу зарубежного конституционного права не только снижает информированность о богатстве, разнообразии международного конституционного опыта, но и не способствует развитию его критической оценки, умения видеть проблемы, недостатки зарубежных конституционных систем.

В этой связи очень важно активизировать работу по *укреплению роли конституционного права России в образовательном процессе*, в том числе по неюридическим специальностям.

Также считаю важным поставить на обсуждение вопрос *об усилении государственного контроля над изданием учебной литературы по праву* для высшей школы, с тем чтобы преодолеть информационное и идеологическое «зашлаковывание» образовательного процесса.

Информация об авторе

Сергей Владимирович Кабышев, Заслуженный юрист Российской Федерации, председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, Москва, Россия